

АДОЛЬФ ГАРНАК

ЦЕРКОВЬ И
ГОСУДАРСТВО ВПЛОТЬ
ДО УСТАНОВЛЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ЦЕРКВИ

Адольф Гарнак

**Церковь и государство
вплоть до установления
государственной церкви**

«Public Domain»

1900

Гарнак А.

Церковь и государство вплоть до установления
государственной церкви / А. Гарнак — «Public Domain»,
1900

«Христианство, как религия в собственном смысле слова, не заключало в себе ничего, что должно было бы казаться недопустимым для Римского государства. Напротив, после того как государство выработало себе известный образ жизни по отношению к иудейской религии, представлялось, по-видимому, нетрудным найти таковой же по отношению к религии христианской, так как последней не были присущи многие из элементов, по преимуществу восстанавливавших государство против иудейства...»

Содержание

Введение	5
I. Возникновение правового развития церкви	7
II. Отношение церкви в первом веке (30-130) к государству и культуре	9
III. Отношение церкви во втором веке (около 130-230) к государству и культуре	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Адольф Гарнак

Церковь и государство вплоть до установления государственной церкви

Введение

Христианство, как религия в собственном смысле слова, не заключало в себе ничего, что должно было бы казаться недопустимым для Римского государства. Напротив, после того как государство выработало себе известный образ жизни по отношению к иудейской религии, представлялось, по-видимому, нетрудным найти таковой же по отношению к религии христианской, так как последней не были присущи многие из элементов, по преимуществу восстановлявших государство против иудейства.

Исключительность христианской религии и ее организация в форме церкви не являлись сами по себе чем-либо недопустимым. Они сделались недопустимы вследствие того, что христианство предъявило свои права на все население римского мира и соответственно этому стремилось охватить всю империю своею церковною организацией. Лишь когда к этой организации и к исключительности присоединился универсализм, христиане представились и с точки зрения римской государственности действительно сделались врагами государства.

Мирное соглашение на почве античного и национального государства было невозможно; т. е. это государство не могло, оставаясь самим собою, признать церковь. Но в III столетии с ним, совершенно независимо от разрушительной работы церкви, совершилось превращение: оно утратило последние остававшиеся в нем национальные элементы и на деле перестало быть Римским государством. Церковь же в течение III века выработала действительно универсальную организацию. Однако в этом не было еще прочного залога ее успеха, так как церковь не может существовать без поддержки. Она может держаться во враждебном ей государстве, но не в государстве распавшемся. Даже враждебное государство дает ей необходимую поддержку; упадок государства влечет за собою ее падение, потому что главным образом из государства черпает она силы для своей универсальной организации.

Диоклетиан нашел государство в состоянии распада. Он создал его заново; хотя это было не прежнее, но тем не менее настоящее, централизованное государство. Это новое государство походило на церковь в том отношении, что подобно ей уравнивало население, не будучи связано отныне с единою господствующею народностью. За созданием этого государства должно было последовать уничтожение церкви. Гонения Диоклетиана, Максимиана, Галерия и Максимиана Дазы являются наиболее ревностными и длительными из всех, перенесенных церковью; но последняя выказала в этой борьбе свое превосходство. Можно сказать, что она вышла из борьбы не ослабленною. Новое внациональное государство так же не смогло справиться с теократией церкви, как прежнее полунациональное. Такое положение застал Константин и сделал единственное, что возможно было сделать: соединил вместе Диоклетиановскую империю и церковь. Последняя была слишком могущественна, чтобы соединение могло осуществиться в форме ее подчинения государству. Являлась, по-видимому, неизбежною сложная система взаимного подчинения и преобладания; такая система и имеется на деле не только в создании Гротиана и Феодосия, но уже и в том, что сделано Константином. В целом ряде областей общественной жизни церковь является подчиненною государству, но в ряде других она оказывается господствующим и руководящим элементом. Необходимо было установить равновесие, и надо думать, что до известной степени оно

было достигнуто и удержано. Но при таком порядке, в силу самой природы вещей, постоянно существует для государства – не для церкви – опасность лишиться авторитета и подвергнуться распадению. Признавая божественную миссию церкви в области общественного строя, государство тем самым уже отрекается от власти. Все, что оно может в таком случае противопоставить «божественному» праву церкви, окажется слишком слабо и недействительно. Разбитое на почве *идеи*, отстаивая свое суверенное *право* путем вымученной софистики, государство не имеет другой опоры, кроме полиции и армии. Господствовать над церковью может только такой властитель, которому удастся не формально, а фактически стать во главе ее. Но тут дело возвращается к исходному пункту: церковь исчезает как самостоятельная величина. Можно сказать, что так же исчезает и государство; место обоих занимает своего рода теократия, которую можно по желанию назвать оцерковленным государством или огосударствленную церковью. Весь христианский Восток, то есть все области, принадлежащие Восточной церкви, находятся в таком положении, и последнее лишь упрощено было вторжением и водворением ислама. Самостоятельные государственные и национальные точки зрения там до такой степени заглушены, что вопросы исповедания являются определяющими и решающими. Перемена веры равносильна там перемене национальности; человек является прежде всего не турком, греком, армянином – но или мусульманином, или православным, или членом армянской церкви. Только вследствие исключительного обаяния римского апостольского престола роль церкви на Западе кажется более значительной; в действительности ее власть гораздо слабее. На Западе снова развилась независимая государственная власть, и национальности как таковые – независимо от исповедания – получили значение могущественных факторов. Теократический строй установился только на Востоке; на Западе политическая жизнь слагается в значительной степени из взаимоотношений между церковью, с одной стороны, и элементами государственности и народности – с другой. Но эти фазы развития лежат за пределами настоящего изложения. Оно должно ограничиться рассмотрением тех трех столетий, завершением которых является константиновская система обоюдостороннего подчинения государству церкви и государства церкви, господствовавшая в течение последующих веков.

I. Возникновение правового развития церкви

Время возникновения правовых норм церкви. Вступить в столкновение с государством церковь может только в том случае, если она нарушает правовые установления государства или вырабатывает собственные, идущие вразрез с установленными государством. С какого времени началось правовое развитие церкви? Как религия в строгом смысле слова, христианство, в силу своего чисто духовного, внутреннего, всемирного характера, не могло породить никаких правовых норм, или могло создать только нормы чисто сакральные. Тем не менее, уже в очень раннюю пору являются в нем правовые элементы. Как они возникли?

Иисус. Происхождение их, по-видимому, невозможно свести к одному источнику и совершенно несостоятельно было бы выдвигать, как исходный пункт, какое-либо предписание Иисуса – даже если бы те изречения, на которые обыкновенно ссылаются, оказались более надежными, чем они есть на самом деле. Приводимые чаще всего места: Мф., 16, 18 и 18, 17 – единственные, где в устах Иисуса встречается слово «Церковь» – не могут быть признаны подлинными. Если даже признать подлинными слова Мф., 16, 18, из них нельзя вывести ничего, что можно было бы рассматривать как начатки правового развития церкви, так как слова эти относятся исключительно к личности Петра и притом совершенно не касаются области права, какое бы широкое значение ни придавать этому понятию. Приблизительно то же самое надо сказать о тексте Иоан., 21, 15-17. И здесь дело касается только Петра, и ничто не указывает на то, чтобы обещанное ему впоследствии должно было распространиться на других. Да и ему не дается никаких прав, а лишь возлагается на него обязанность, из которой, конечно, можно вывести различные права, но без всяких оснований. Слова Мф., 18, 17 несомненно приписывают церкви, т. е. собранию верующих, известную дисциплинарную власть вплоть до права отлучения. Но, как указано, они исходят не от Иисуса, а от собрания верующих. Остаются только по существу тождественные места Мф., 16, 19, 18, 18 и Иоан., 20, 23. Здесь предоставляется апостолам, в частности Петру, власть вязать и разрешать грехи. Эти места также заподозрены критикой; но и подлинность их возможна. Однако отпущение грехов, в силу внутренней сущности своей, не имеет ничего общего с областью права; чтобы придать ему правовой характер, необходимо привнесение извне правовых элементов. Следовательно, и эти слова не пригодны к тому, чтобы послужить исходным пунктом правового развития церкви.

Действительные исходные пункты правового развития церкви. Действительные исходные пункты нужно искать в складе древних христианских общин. Обратившись к этой области, приходится сделать то же наблюдение, что и относительно множества начатков других церковных установлений. Почти с первого момента они являются крайне сложными вследствие того, во-первых, что церковь не представляет собою чего-либо во всех отношениях нового, но оказывается отчасти перерождением древнейших образований; во-вторых, потому, что она с самого начала охватывает жизнь во всем ее объеме, налагая на нее свой отпечаток; наконец, вследствие того, что она выступила в эпоху высокой культуры, продукты которой частью были ей противны и враждебны, частью полезны и желанны.

Церковь была порождением иудейской церкви и синагоги; этим объясняется как самое стремление к выработке известных правовых норм, так и выработанные ею формы.

Создавая рамки для всей совокупности жизни и мысли верующих, равно как и для их общественных взаимоотношений, она стремилась установить во всем строгий порядок; для этого было необходимо создание правовых норм.

Церковь оказалась лицом к лицу с высококультурным государством и с самого начала не могла занять определенного положения по отношению к праву этого государства. Если бы она просто признала это право, ее собственное правовое развитие имело бы место лишь в очень ограниченных пределах; наоборот, подвергнув это право огульному отрицанию, она была бы им раздавлена. Правовое развитие в самой церкви оказалось возможным только благодаря сложности ее отношений к государству, только в силу того, что она одновременно подчинялась ему и боролась с ним, отвергала его и брала с него пример.

Таким образом, вскрыты три основные корня будущего церковного права; спрашивается, как относятся они к отдельным областям права? Распределяются ли они по этим областям определенно и ограничено? Вопрос этот приходится решить отрицательно. Указанные начала действовали скорее всего параллельно, взаимно усиливая друг друга.

Церковь можно упрекнуть в том, что ее правовые установления ослабляли государство по мере того, как распространялась ее власть. Но не следует забывать того, что дала церковь государству, ограничивая его. Союз христианской церкви и государства поднял человечество на высшую ступень развития. Этот союз впервые признал в человеке человека и открыл историческому развитию те цели, к которым оно теперь стремится. Истинный космополитизм, идеи духовной свободы, равенства и братства на этой почве впервые получили силу, и христианская идея Бога явилась неприметно, но могущественно действующим двигателем, определившим ход истории и обеспечившим за человеческую личность ее духовное достоинство и вместе ответственность.

На последующих страницах я попытаюсь показать, как в течение трех первых столетий церковь и государство постепенно приближались друг к другу, пока не сошлись окончательно. Отношения между ними в это время принято рассматривать исключительно с точки зрения борьбы. Но такое воззрение недопустимо для исследователя всеобщей истории. Для того, что совершилось при Константине и благодаря Константину, потребовалась долгая подготовка; и должно оказаться возможным проследить ее стадии. В истории ничто прочное не может появиться экспромтом. Но, разумеется, необходимо уметь читать между строк; наблюдатели-современники в данном случае – как и всегда – не знают ничего о том, что подготавливается. Они лишь видят и слышат бури, проносящиеся над землею; но что эти бури возвещают наступление новой весны, этого они не замечают.

II. Отношение церкви в первом веке (30-130) к государству и культуре

Отрицательное отношение к государству. Христиане первого столетия отказывались от своего земного гражданства, если и не отбрасывали его от себя вполне. Они чувствовали себя чужими в мире и поэтому чужими в государстве. Они поверили небесной власти, гласившей, что они граждане царства небесного, что земной мир скоро прекратит свое существование и начнется новое царствование, видимое владычество Бога на земле. Какие интересы могли еще их связывать с миром и государством? Но последнее не являлось для них только безразличным. Защищая идолопоклонников и поддерживая идолопоклонство, оно очевидно действовало под влиянием демонов; являясь опорой многобожия, оно явно оказывалось главным средоточием могущества дьявола. Если мир «во зле лежит», то и государство тоже. Между церковью и государством, между Христом и Велиаром не может быть никакого общения. В этом направлении написано, напр., «Откровение» Иоанна.

Признание государства. Но наряду с этим воззрением существовали и с неотразимой силой действовали другие, совершенно иначе направлявшие умы. Разве это государство, с императором во главе, не объединило народы земные, не даровало мир миру, исполнив таким образом божественные предначертания? Разве оно не карает злых и не препятствует беззаконию? Не оно ли во многих случаях защищало христиан от диких страстей народных и прежде всего от ненависти богоотверженного племени, не принявшего своего Мессию? Не осуществило ли оно пророчества Христа, произведя суд над народом Израиля, разрушив храм, сравнив с землею город и рассеяв самое племя по земле? Наконец, не предписал ли сам Христос повиноваться римлянам, говоря: «воздайте кесарево кесарю», и не учил ли величайший из его апостолов: «всякая душа да будет покорна властям, которые над нею»? Христианам предписывалось не только повиновение государству; они обязаны были молиться за него и за его главу, императора. И христиане действительно молились за них на каждом богослужении.

Complexio oppositorum. Complexio oppositorum, перед которою мы преклоняемся и к которой относимся критически в современном католицизме, восходит в своем происхождении к древнейшему христианству. Она проявлялась во всех областях жизни нового учения, следовательно, и в политической. Престол сатаны воздвигнут в Риме, и дьявол выглядывает из-за каждого императорского изображения; все государство идет навстречу гибели, и адский огонь готовится поглотить его. Но это же самое государство осуществляет божественную миссию, и земная власть объединившего мир и правящего им монарха является отражением божественной власти в небесной монархии. Могут ли оба эти представления мириться в одной душе, укладываться в одной голове? Вопрос праздный! Несомненно, что люди так думали и чувствовали, и каждое из двух представлений попеременно господствовало над ними. Не хорошо только, если оба смешивались, порождая неизбежно сомнительную благожелательность к государству, подозрительную и малоискреннюю.

Отрицательное отношение к философии. Государство теснейшим образом переплетается с культурою. Правда, оно давно перестало быть основанием, опорным пунктом и целью всякой духовной деятельности. «Философия» открыла себе неизмеримое поприще помимо него и давно пролагала самостоятельные пути к собственным целям. Но единство политической, религиозной и духовной области все еще существовало, хотя и клонилось

к распадению. Именно поэтому молодое христианство видело в языческой культуре нечто враждебное и предосудительное. Вся она была пропитана «идолопоклонством»; к тому же всякое «исследование» должно было казаться ненужным и дерзновенным для тех, которые считали себя обладателями единственного нужного знания, в божественном откровении заключающегося. Лозунг их должен был гласить: «да не введет вас во искушение философия». Бог в Евангелии посрамил разум мудрецов!

Признание философии. Но такой лозунг возможен был только в разгаре борьбы. Когда пыл ее ослабел, соображения другого рода неизбежно вступали в свои права. Разве многому из того, чему учит философия, не наставляет и сама вера? Не дошла ли философия до представления о *едином*, духовном Божестве? Не признала ли она, что добро является в мире сильнейшим и лучшим? Не существовал ли ряд философов, отвергавших заблуждения черни и становившихся в оппозицию против мнений века? Не нашелся ли среди них и такой, который умер за свои убеждения? Далее: разве христианство не примыкает к разуму и свободе человека, созданных Богом? Разве каждая душа не есть по природе христианка? Если же это так, то можно ли пренебрегать тем, о чем она свидетельствует? А что же такое философия, как не речь души и духа человеческого? И как же возможно проповедовать и вносить в души христианство, не примыкая к тому святому благу, которым так прочно владеет дух?

Coinplexio oppositorum. И здесь, следовательно, оказывается *complexio oppositorum*! Именно философия, в соединении своем с идолопоклонством, представляющая нечто дьявольское, оказывается включающею в себя все начальные истины, отражающею луч истины в самом мраке смерти. Как ни отпугивал мрак, нельзя было не замечать света. Религия, исповедующая Бога, властителя неба и земли, претендующая на положение мировой, а не племенной религии, не может сохранять чисто отрицательного отношения к истории человечества и ко всему выработанному ею. Она не может ограничить и своей собственной истории предшествующими судьбами одного небольшого племени или нескольких пророков. Уже в «Деяниях апостольских» Петру вложены в уста слова: «Теперь я узнаю воистину, что Бог не смотрит на лица, но во всяком народе угоден ему боящийся его и творящий правду». И великий апостол язычников Павел учил, что Бог всюду открывает Свое бытие и Свою волю. В минуты высшего вдохновения и радости он мог говорить своей небольшой пастве обращенных: «Все ваше».

Прочные церковные установления. Тесная взаимная связь христиан между собою, обособление от «неверных», основы благочестивой жизни и пример синагог, давших начало церквям – все это с внутреннею необходимостью должно было породить ряд особых установлений, уже придававших церкви характер государства в государстве. Существеннейшие из этих установлений следующие: 1) строгое правило культа, обязывающее верующих к ежедневным молитвенным собраниям; 2) общая касса (отдельно для каждой общины), из которой совершались вспомоществования бедным и нуждающимся; 3) администрация общины, на которой лежало частью дисциплинарное наблюдение за нравами, частью заботы о благосостоянии и культе; 4) строгие установления относительно брака и семейной жизни, далеко выходившие за пределы постановлений государства; 5) начало собственной системы суда – христианам запрещалось прибегать к суду языческому по возникавшим в их среде гражданским делам; наряду с этим находится в силе система наказаний, от увещания и предостережения до отлучения, являвшегося церковного смертью приговоренного; 6) начала междуцерковных установлений, связывавших различные, на широком пространстве рассеянные, общины друг с другом при помощи соборов и посланий, обязывавших к гостеприимству и доставлению работы по отношению к странствующим членам общины и долженствовавших

обеспечить общность развития во всех существенных вопросах. Профессиональные миссионеры также поддерживали связь между отдельными общинами.

Единого центра, подобного тому, каким для иудейства был Иерусалим до разрушения храма, христианство вначале не имело; но у него было несколько центров, среди которых мировая столица скоро стала важнейшим.

Привлечение внимания римской власти. Римская власть рано должна была обратить внимание на это движение. Пора, когда церковь представлялась ей местным явлением в среде иудейства, продолжалась недолго. Как только она отбросила это заблуждение, в ней принципиально уже создалось убеждение в противогосударственном характере христианской общины: члены ее представлялись ей атеистами, отказывались поклоняться изображениям императора, составляли, с точки зрения закона, тайное сообщество. Но это принципиальное убеждение не привело непосредственно к тому, чтобы государство стало разыскивать христиан для их искоренения. Из этого можно заключить, что оно еще не придавало большого значения опасности, могущей на деле угрожать государству со стороны христиан. Отдельные случаи кровавой репрессии против последних происходили больше под давлением общественного мнения и черни, сильно враждебных новой религии, и на почве доносов и наветов со стороны иудеев. Но при этом государство нисколько не оставляло под сомнением для христиан, что все они, виновные в оскорблении величества, заслужили смерть, и что на почве закона над ними в любое время может быть произведена беспощадная расправа.

III. Отношение церкви во втором веке (около 130-230) к государству и культуре

За второе столетие существования христианских общин (приблизительно с 130 по 230 г.) они проявляют во всех направлениях развитие, идущее против государства и общества. Это движение может быть прослежено в устройстве общин и их быте, в жизни и литературе, в благочестии и культе, наконец, в оценке государства и в возникавших правовых установлениях.

Устройство общин. 1) Устройство общин уже в первом веке претерпело множество изменений, достигая быстрого совершенствования. Первоначально устройство различных общин, на почве религиозного равенства членов, слагалось, вероятно, весьма разнообразно (одни опирались более на синагоги, другие – на строй свободных культовых союзов, третьи – на выдающуюся личность данного выдающегося покровителя или евангелиста и т. д.), но постепенно в разраставшихся общинах одинаковые потребности порождали одинаковую организацию. Наряду с миссионерами и носителями Святого Духа образовался совет старейших, вскоре превратившийся в выборную коллегию пресвитеров; выступили также должностные лица для нужд экономической жизни, благотворительности и культа. Среди этих должностных лиц, уже в раннюю пору, руководящую роль получает один, положение которого упрочивается тем, что он имеет голос и место в коллегии пресвитеров, наблюдающей за порядком и нравами общины. Когда стали становиться все реже лица, по призванию являвшиеся проповедниками, пророками и учителями и миссионерская организация церкви превратилась в строго местную, эта сакральная должность стала также учительскою должностью. Таким образом было достигнуто и определено монархическое положение *епископа*. Выработалось оно, по всей вероятности, сперва в Сирии и Малой Азии, но около 150 г., по-видимому, успело водвориться во всех церквях. Рядом с епископом стояла коллегия пресвитеров; подчиненными его в делах культа и благотворения являлись диаконы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.